

**КОМИ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В РУССКОМ,
ЭСТОНСКОМ И ФИНСКОМ ЯЗЫКАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ В.В. ТИМИНА «ЭЖВА ПЕРЫМСА
ЗОНКА» («МАЛЬЧИК ИЗ ПЕРМИ ВЫЧЕГОДСКОЙ»))**

Паула Кокконен,
магистр философии, лексикограф
Киркконумми
paula.kokkonen@alumni.helsinki.fi

Фразеологизмы (поговорки, пословицы) или идиомы, их также называют устойчивыми описательными выражениями, являются трудными с точки зрения перевода. Переводчику приходится думать о стратегии перевода отдельно для каждой идиомы, потому что идиомы обычно тесно связаны как с языком, так и с культурой. Рекомендуется искать по возможности эквивалентный перевод или переводить фразеологизм или идиому исходного языка дословно на язык перевода, что не всегда возможно. Очень часто в исходном языке существуют культурные и местные реалии, для которых в целевом языке нельзя найти эквивалент.

Термин идиома происходит от греческого *idiōma* ‘своеобразное выражение’. Идиома понимается как выражение, первоначальное значение которого во многих случаях через метафорическое или образное употребление затемнено и которому специально было сформировано новое самостоятельное значение. По мнению О. Лаухакангас, идиомой называют оборот речи, который непонятен без объяснения (Лаухакангас 2014: 10).

В отношении идиом принято говорить о конвенционализме. Это означает то, что членам языкового сообщества выражение знакомо или же его можно интерпретировать с помощью уже известных идиом. Некомпозициональность же идиомы означает то, что значение выражения нельзя вывести на основании значений его частей. Значение получается не буквальное, а переносное/образное.

Идиомы состоят из двух или более слов и имеют свой синтаксический строй. Идиома может быть застывшей синтаксически или лексически. Значения идиом нужно учить отдельно, так же как значения слов. Пословицы – это целые предложения, в то время как идиомы кажутся оставшимися в промежутке лексики и грамматики. Задачи идиом следующие:

- оживлять текст;
- изображать интенсивную деятельность;
- выразить позицию говорящего как по отношению к событию, так и по отношению к обстоятельству или к лицу;

- стремиться выражать интересные стороны увиденного;
- характеризовать идиолект какой-либо личности;
- преодолеть табу (Muikku-Werner 2008: 5-8 и 2009: 84–86).

Как идиомы, так и культурные реалии часто бывают проблематичными для переводчика. Например, коми *чомкост*, согласно словарю, по-русски означает ‘расстояние между двумя шалашами’, ‘расстояние в пять-семь километров’. В финском языке соответствует термину *kodanväli* ‘расстояние между шалашами’, ‘расстояние между двумя шалашами’. Хотя в финском языке есть старая мера дороги *peninkulma*, по словарю, по-русски обозначает ‘миля’, однако это слово не подходит для перевода коми слова *чомкост*, потому что его значение ‘дорога, на которой слышен лай собаки’. Расстояние мили примерно 10 километров, значит, примерно в полтора раза больше, чем расстояние *чомкост*-а.

В данной статье я сравниваю коми идиомы с их соответствиями в русском, эстонском и финском языках на материале повести В.В. Тимина *Эжва Перымса зонка* (ЭПз) (‘Мальчик из Перми Вычегодской’).

1. Перевод универсальных фразеологизмов и идиом легче, чем перевод идиом, связанных с культурой. Когда хотят выразить, что ‘кто-то держит данное обещание’, используют отрицательное выражение. Это видно из приведенных ниже примеров: коми букв. ‘не меняю своего слова’, русское и эстонское букв. ‘не беру назад своего слова’, финское букв. ‘не ем своих слов’.

(ЭПз, 109): – *Тайӧ тэнад. Тадз вӧлі шуӧма. Ме ассьым кывйӧс ог вудж.*

(рус, 114): – *Это твое! Я своего слова назад не беру!*

(эст, 161): – *See on sinu oma! Mina oma sõna tagasi ei võta!*

(фин, 91): – *Tämä on sinun. Niinhän oli sovittu. Minä en syö sanojani.*

2. Вторая универсальная идиома возникла из представления, что кошка и собака не ладят между собой. Писатель В. Тимин использовал много раз выражение *гыжсья-вежсья*, которое, по словарю, означает: ‘1) скот, копытные животные; 2) вряд ли; 3) диал. неважный, незавидный/неважно, незавидно’ (КРК 2000: 166), но в качестве идиомы его значение другое. Мы все три переводчика при переводе этой идиомы выбрали выражение ‘как кошка с собакой’. Правда, при разговоре о вере лучше подходит финское слово *epäkunnioittavasti* ‘неуважительно’, чем идиома *kuin kissa ja koira* ‘как кошка с собакой’.

(ЭПз, 201): – *Гыжсья-вежсья оланньид вежса эскӧмкӧд!*

(ЭПз, 214): *Мӧкуа да Казань важьсыань нин олісны гыжсья-вежсья.*

(рус, 186, 197): – *Как кошка с собакой живете со святой верой.*

Москва и Казань издавна жили как кошка с собакой.

(эст, 265, 283): – *Te elate siin püha usuga nagu koer kassiga.*

Moskva ja Kaasan elased juba ammu nagu kass ja koer.

(фин, 154, 163): – *Te elätte pyhän uskon kanssa epäkunnioittavasti.*

Moskova ja Kazan olivat jo iät ajat eläneet kuin kissa ja koira.

3. К кошке или собаке относится и следующая коми идиома *гар бӱжӱн/люнь бӱжӱн* ‘с поднятым хвостом/с опущенным хвостом’. По-фински лучше звучит *pää pystyssä* ‘с высоко поднятой головой’, чем *häntä pystyssä* ‘с поднятым хвостом’, но слово *koipi* ‘лапа’ вместо слова *jalka* ‘нога’ говорит о том, что идиома возникла при наблюдении за собакой.

(ЭПз, 143): *Асыка гар бӱжӱн локтіс, люнь бӱжӱн муніс.*

(рус, 134): *Асыка направлялся сюда с задраным хвостом, а обратно ушел с поджатым.*

(эст, 194): *Asõka oli siia tulnud, saba püsti, kuid läinud, saba jalge vahel.*

(фин, 109): *Asyka oli tullut pää pystyssä, mutta saanut lähteä häntä koipien välissä.*

4. Ворона – хорошо известная птица в коми идиомах. С помощью вороны описывают насквозь промокшего, она смеется над неудачником, её следы являются странными для чтения. Сравнительная формула ‘мокрая как х’ является универсальной. Вместо коми *рака* ‘ворона’ в русском языке выступает *курица*, в эстонском языке – *тряпка*, в финском языке – *выкупанная собака*.

(ЭПз, 20): – *Косьтысь, а то, видзӱда да, няв рака моз кӱтасьӱмьд.*

(рус, 20): – *Сушись, а то, смотрю, как мокрая курица.*

(эст, 30): – *Kuivata ennast, oled ju märg nagu narts.*

(фин, 15): – *Kuivattelehan itseäsi, näytät olevan märkä kuin uitettu koira.*

Интересно привести здесь ещё несколько примеров идиомы ‘мокрая, как х’ из других языков: в английском языке ‘мокрая, как утонувшая крыса’, в испанском – ‘мокрый, как суп’, в шведском – ‘до кожи мокрый’, во французском – ‘мокрый до костей’ (Pouttu-Delière 2009: 120).

5. Как сороки, так и вороны смеются насмешливо в русских и в эстонских идиомах. В коми языке, по всей видимости, смеются только вороны, а в финском – сороки.

(ЭПз, 53): – *Ракаяс сераласны, куш киӱн кӱ бӱр воам.*

(ЭПз, 124): – *а ме повзи гачтӱм пӱтей моз. Тадзнад и аслад вуджӱрысь весьӱпӱран. Ракаяс сераласны вак-вакӱн.*

(рус, 55, 120):

– *сороки сильно трещали, с пустыми руками, кричат, вернетесь.*

– *а я испугался, как бесштаный сопляк. Ветер шумит, а мне голос слышится. Воронам на смех.*

(эст, 80, 169):

– *aga miskipärast harakad kädistasid, et tulete tagasi tühjade kätega.*

– *mina aga lõin araks nagu püksatu jõmpsikas. Varesedki hakkavad niisuguse asja peale naerma.*

(фин, 42, 95): – *Harakatkin nauravat, jos tyhjin käsin palaamme.*

– *ja minä pelästyin kuin pikkulapsi. Tällä tavoin sitä säikkyä vielä omaa varjoaankin. Harakatkin ihan nauravat.*

В данном примере присутствует еще одна сравнительная идиома *gachtõm nõтей моз* ‘как бесштаный сопляк’. Подобным же образом эта коми идиома переводится на русский и эстонский языки. Финский перевод этой коми идиомы – *kuin pikkulapsi* ‘как маленький ребёнок’ – является адекватным переводом, хотя и менее выразительным.

6. В коми языке неудача первого выстрела – это *сьод рака* ‘черная ворона’. Перевод на финский – пример буквального перевода – при отсутствии хорошего эквивалента. В финском, русском и эстонском переводах добавляется объяснение о том, что это коми поговорка.

(ЭПз, 55): – *Медводз дõра – гõрõдõсь, медводз лыйõм – сьод рака, – тэры-*

ба шуис Ирьянко, и – ёртъяс чõвталисны вугырьяснысõ вай.

(рус, 57): – *Первая холстина – узлом, первая стрела – черная ворона, – торопливо произнес Ирьянко старинный заговор.*

(эст, 84): – *Esimene kangas sõlme, esimene noolega must vares, lausus Irjanko kiiresti vanaaegse mana.*

(фин, 44): – *Ensimmäisestä kankaasta tulee solmuinen, ja ensimmäinen laukaus*

antaa mustan variksen, tokaisi Irjanko muistaen vanhan komilaisen sanonnan, jonka mukaan aina ensimmäinen yritys tapaa epäonnistua.

7. Во многих языках неизвестное или неразборчивое письмо выражается с помощью идиомы. Герой романа Tikö знакомится с буквами *анбур*-а (коми азбуки) и рассматривает их в качестве следов вороны. Однако в русском, эстонском и финском языках неясные фигуры письма – это следы сороки (в финском языке – каракули сороки).

(ЭПз, 54): *Кык ёрт бура тõдисны пармаын артмõм шыпасъяс, кужлисны шуны кольõм кок туйяс серти, кутшõм немõс да кодарõ мунис. А Ивõ Чуд пõльлõн паськыд пõв вылын рака кок туйясыс нинõм йылысь сэки эз висьтавны. – Мый позьõ гõгõрвоны рака кок туйясысь?*

(рус, 56): *Разве можно что-то понять по следам сороки?*

(эст, 82): *Kas sai siis mitadagi haraka jälgede põhjal mõista?*

(фин, 43): *Mutta tämä ukon leveä lauta ja siihen riipustetut harakanvarpaat eivät kertoneet yhtään mistään.*

8. Рябчик также является хорошо известной птицей в идиомах, в качестве примера – коми идиома *сьола кодь рам* букв. ‘кроткий, как рябчик’. В

финском языке *руу* ‘рябчик’ выступает в поговорках: *Pienenee kuin ruu maailmanlopun edellä* ‘Уменьшается, как рябчик, перед концом света’ и *Ei ruuussa ole kahden jakoa* ‘Одного рябчика на двоих не разделишь’. В этих поговорках коннотация рябчика передает не кроткий или скромный характер, а маленький, ничтожно малый размер. По финской народной традиции рябчик умещается пройти через кольцо при приближении конца света (Muikku-Werner 2008: 281; Tammi 2008: 591).

(ЭПз, 158): *Mate, mödarö, сёрнитис этиа, ньöжмыда и вöли – сьöла кодь рам.*

(рус, 147): *Mate говорил мало, медленно и был – скромный, как рябчик.*

(эст, 213): *Mate rääkis vähe ja aeglaselt ning oli tagasihoidik nagu põldprüü.*

(фин, 121): – *toisenlainen oli Mate. Hän puhui vähän ja hitaanlaisesti, ja oli – lauhkea kuin lammas.*

9. Нам, переводчикам романа *Эжва Перымса зонка* ‘Мальчик из Перми Вычегодской’, пришлось искать подходящие выражения также для коми идиом, связанных с культурой, например при переводе метафоры *тиаква*. Согласно контексту романа, *тиаква* не является синонимом слову *тиака шыд* ‘грибной суп’ (хотя *юква* ‘уха’ наводит на такую мысль!). В романе слово *тиаква* обозначает ‘пустяк, мелочь, пустяковое дело’ (рус. *пустяк*, эст. *köömes* ‘пустяк’ и фин. *pikkuseikka* ‘пустяк’, но более выразительным является финское выражение *itikan nitistys* ‘как комара прихлопнуть’).

(ЭПз, 157): *Ушкуйникъясыд ветлөдлöны рözбой вöчны 20-30 морта котыръясöн, а тайö Чердiныдлы тшаква.*

(рус, 146): – *эта для Чердыни пустяк.*

(эст, 212): – *olid Tšerdini jaoks köömes.*

(фин, 120): *Niiden voittaminen olisi Tšerdinille kuin itikan nitistys*

10. Сравнительная идиома *kuin itikan nitistys* ‘как комара прихлопнуть’ известна как в коми, так и в русском и эстонском языках.

(ЭПз, 120): *Морт виöмыд пель пöла йöграыдлы номйöс шлачкöм кодь.*

(рус, 99): *Ведь вогулу человека убыть, что комара прихлопнуть.*

(эст, 144): *Mansile on ju inimene sama mis sääsk laiaks litsuda.*

(фин, 79): *Ihmisen tappo on korvapuolimansille kuin itikan nitistys.*

11. Глагольную идиому *гöгныс орö* букв. ‘их пупок рвётся’ писатель В. Тимин использует в романе три раза (ЭПз, 145, 177, 179). Она соответствует такой же идиоме в русском и эстонском языках, но не соответствует в финском языке (финское – *turpiinsa ottavat* ‘в морду получают’).

(ЭПз, 177): – *Уськөдчасны! – Мед! Гöгныс орö.*

(рус, 163): – *Ведь погибнут! – Пусть! Нас взять – пупок порвут!*

(эст, 235): – *Las saavat. Küllap nad meid vallutades oma naba üri nihestavad.*

(фин, 136): – *Osansa saavat nekin – turpiinsa ottavat.*

12. Избежание табу (например, слова *смерть*) с помощью идиомы является обычным приёмом. В романе В. Тимина бабушка Еника, говоря о смерти, использует идиому *дась мусö люкавны* букв. ‘готова землю бодать’. В переводах дается нейтральный оттенок, говорится о готовности уйти под землю. В финском переводе можно было бы дать из многих десятков глагольных идиом, описывающих смерть, например, такие, как: *nukkua pois* букв. ‘заснуть вон’, *muuttaa majaa* букв. ‘поменять жилище’, *heittää lusikka nurkkaan* букв. ‘бросить ложку в угол’ или *vaihtaa hiirprakuntaa* букв. ‘изменить епархию’, но переводчик должен быть верен стилю автора.

(ЭПз, 21): – *Me öd nemtor og töd, бур пиö. Тайö шеваöй быдлаö нырсö суйö, а ме дась нин мусö люкавны. Пöрысь, жеб.*

(рус, 21): – *Сама-то я уж в землю готова сунуться, старая, занозистая.*

(эст, 31): – *Ise olen ma valmis nulla sisse minema, olen vana osakas.*

(фин, 16): – *Minä olen jo valmis nullan alle. Vanha kun olen ja heikko.*

При выборе соответствий в переводе ключевым является эквивалентность, т.е. равноценность. Переводчик должен решить, выбрать ли эквивалент, аналогию или адекватное соответствие. Из моих примеров видно, что переводчики часто находили для перевода коми идиом эквиваленты или равноценные соответствия из своего языка (напр. идиома *как кошка с собакой* в русском, эстонском и финском языках).

Иногда приходится полагаться на аналогии или ситуативные эквиваленты (напр., при переводе коми идиомы *гöгныс орö* ‘пупок порвут’ финской идиомой *turpiinsa ottavat* ‘в морду получают’). Об адекватном эквиваленте можно говорить, например, тогда, когда коми метафора *тиаква* переводится на финский язык идиомой *itikan nitistys* ‘как комара прихлопнуть’ или сравнительная коми идиома *сьöла кодь рам* букв. ‘кроткий, как рябчик’ переводится на финский *lauhkea kuin lammas* ‘кроток, как овца’.

Основное понятие функционального переводоведения, разработанного Юджином Найдой [Eugene Nida], – динамическая эквивалентность, согласно которой перевод должен произвести в целевом языке такое же воздействие, как и в исходном языке. Основным принципом для переводчиков должно быть то, что читатель перевода должен получить такое же эстетическое воздействие, как и читатель оригинального текста.

КРК – Коми-роч кывчукöр / отв. ред. Л.М. Безносилова. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. – 814 л.б.

Jänis, Marja 2010: *Venäjältä suomeksi ja suomesta venäjäksi*. Aleksanteri Series 4/2010. WS Bookwell Oy. – Jyväskylä. – 155 s.

Lauhakangas, Outi 2013: *Parempi pyy: Sananparsioipas*. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. – Helsinki. 185.

Muikku-Werner Pirkko – Jantunen, Jarmo Harri – Kokko, Ossi 2008: *Suurella sydämellä ihan sikana*. Suomen kielen kuvaileva fraasisanakirja. Gummerus Kirjapaino Oy. Jyväskylä. 467.

Muikku-Werner Pirkko 2009: Moninaisuus idiomeissa. – Kalliokoski, J., T. Nikko, S. Pyhäniemi & S. Shore (toim.) 2009. *AFinLA-e Soveltavan kielitieteen tutkimuksia 2009 / n:o 1*. Helsinki. – S. 77–90.

Pouttu-Delière Päivi 2009: *Kielikuvia ja fraaseja 6 kielellä*. Gummerus Kirjapaino Oy. Jyväskylä. – 222 s.

Tammi Jari 2008: *Suuri vertailusanakirja*. Gummeruksen Kirjapaino Oy. – Jyväskylä. – 592 s.

Wikipedia = Idiomi [<https://fi.wikipedia.org/wiki/Idiomi>] (Дата обращения 12.10.2016).

ЭПз = Тимин В.: *Эжва Перымса зонка: Ылыс кад йылысь повесть*. – Сыктывкар: Эскӧм изд-во, 2000. – 253 л.б.

рус (venäjä) = Тимин Владимир: *Мальчик из Перми Вычегодской: Историческая повесть для детей*. Перевод с коми Елены Габовой. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2001. – 236 с.

эст (viro) = Timin, Vladimir: *Vana-Permi poisi Tikö seiklused*. Tõlkinud Arvo Valton. Trükitud trükikojas Greif. – Tallinn 2006. – 333 s.

фин (suomi) = Timin, Vladimir: *Tikö, Vähä-Permin poika*. Kertomus kaukaisista ajoista. Komin kielestä käänntänyt Paula Kokkonen. M. A. Castrénin seuran e-kirjasto, 2016. 191 s.

<http://www.macastren.fi/suomennettua/index.html>